

В поэмах о декабристах и декабристках преимущественное внимание поэта устремлено на друзей народа, т. е. на революционных борцов. Пусть эти последние только «первенцы русской революции» и их деятельность относится к давно прошедшим временам, однако за их образами и поэт и его читатели чувствуют образы представителей современного революционного движения.

Поэмы «Недавнее время» и «Современники» разоблачают врагов народа, т. е. эксплуататоров и угнетателей, принадлежащих к социальным верхам — к сановно-аристократической среде, а особенно к крупным представителям промышленного и финансового капитала.

Воплощая в художественные образы глубоко ему симпатичных друзей народа и крайне антипатичных врагов народа, Некрасов всё время думал о народе, ибо деятельность и друзей и врагов народа представляла для него интерес, поскольку имела прямое и непосредственное отношение к народу, ибо мысль поэта всегда и неизменно была прикована к народу.

Поэтому вполне естественно и закономерно, что самое основное, более того, итоговое произведение Некрасов посвящает народу, причем наравне с картинами и образами народной среды, как бы продолжая линию «Дедушки» и «Русских женщин», с одной стороны, «Недавнего времени» и «Современников» — с другой, рисует народ в окружении и его друзей и его врагов. Таким образом, поэма «Кому на Руси жить хорошо» является поэмой прежде всего о народе, но в значительной мере и о его друзьях и врагах.

Самое название поэмы свидетельствует о том, что в намерения ее автора входило всестороннее изображение русской жизни. Можно ли, в самом деле, было решить вопрос, «кому живется весело, вольготно на Руси», не обозрев русской жизни, хотя бы в главнейших ее проявлениях. Поэма Некрасова, писавшаяся в 60-е и 70-е годы, с полным правом может быть названа «энциклопедией русской жизни», основным героем которой является не дворянство, а народ — крестьянство, положение которого в эти годы являлось едва ли не определяющим моментом социальной ситуации.

Работа над поэмой началась в 1863—1864 годах, а годом ее окончания был 1876 год. Работа велась, разумеется, в течение этих 12—13 лет не сплошь, а с перерывами. Первая часть поэмы была закончена в 1865 году, «Последыш» — в 1872, «Крестьянка» — в 1873, а «Пир — на весь мир» — в 1876 году.

Поэма имеет своей целью показать, что положение народа и после освобождения остается крайне тяжелым, но положительные силы народа не парализованы, а главное, в народе неуклонно повышается самосознание, неизбежно толкающее его на путь революционной борьбы; на этом пути у народа есть союзники в лице народолюбивой демократической интеллигенции.

Этот замысел натолкнул поэта на мысль построить поэму, как повествование о путешествии семерых странников, желающих во что бы то ни стало найти истинно счастливого человека.

Но что такое счастье? Некрасову неоднократно приходилось над этим вопросом задумываться, и он давал на него определенные ответы в духе революционно-демократического мировоззрения. Один из ответов был дан в поэме «Несчастные», другой — в «Песне Еремушке» и т. д. Сущность их сводилась к утверждению, что счастье не в том, в чем видит его большинство («И привольная, и праздная Жизнь покатится шутя»), а в том, чтобы служить «Братству, Равенству, Свободе» («Будь счастливей! Силу новую Благородных юных

дней В форму старую, готовую Необдуманно не лей!»). А служить «Братству, Равенству, Свободе» — это, в условиях тогдашней действительности, значило служить народу.

В этом же направлении работала мысль Некрасова, когда он писал поэму «Кому на Руси жить хорошо».

Поп (в главе того же названия) на вопрос о счастье отвечает:

В чем счастье по-вашему?
Покой, богатство, честь...

Один из семерых странников, Лука, уверовавший в «поповское счастье», уверенно заявляет:

Дворяне колокольные —
Попы живут по-княжески...
Малина — не житье!
Попова каша — с маслицом,
Попов пирог — с начинкою,
Поповы щи с сметком!

От идеала «попова счастья» идеалы счастья других представителей имущественных классов отличаются лишь по форме, но сущность остается той же: счастье — в грубо-утилитарных благах.

Идеал счастья, который признавал Некрасов, совершенно иной. Это тот идеал, о котором речь шла при характеристике «Несчастливых» и «Песни Еремушке». Это тот идеал, который с такой силой и яркостью формулирует в «Кому на Руси жить хорошо» любимый герой Некрасова Григорий Добросклонов:

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

(«Доброе время —
добрые песни»).

Вот та исходная точка зрения, с которой решается Некрасовым вопрос о счастье.

Решение вопроса о «счастье» привилегированных классов Некрасова особенно затруднить не могло. Одни из них (поп, помещик), видя, что их материальное благосостояние поколеблено, категорически отказываются признать себя счастливыми, причем счастье, о котором они говорят, ничего общего не имеет с истинно человеческим счастьем. Если бы некрасовским странникам удалось встретиться с четырьмя другими кандидатами в счастливые («купчиной толстопузым», «чиновником», «вельможным боярином — министром государевым», наконец, с самим «царем»), то не приходится сомневаться, что и эти кандидаты, в свою очередь, отказались бы признать себя счастливыми, а если бы, паче чаяния, и признали, то оказалось бы, что их счастье бесконечно далеко от идеала истинного счастья.

С несравненно большим вниманием поэт отнесся к теме «мужицкого счастья», являвшейся одной из основных в его поэме.

С первых строк «Кому на Руси жить хорошо», продолжая еще Новиковым установленную, а затем подхваченную Крыловым традицию, Некрасов говорит о своих героях, как о крестьянах «Подтянутой губернии, Уезда Терпигорева, Пустопорожней волости», деревень: «Заплатава, Дырявина, Разутова, Знобишина, Горелова, Неелова, Неурожайки тож». Эти названия выбраны

не случайно, а с целью подчеркнуть горькую бедность и крайнюю забитость крестьянства. О крестьянском счастье, если можно говорить, то только в ироническом смысле:

Эй, счастье мужицкое!
Дырявое с заплатами,
Горбатое с мозолями
Проваливай домой!

(«Счастливые»).

Каково жилось крестьянам при крепостном праве, об этом достаточно определенно свидетельствуют такие песни в «Пире — на весь мир», как «Веселая», с ее надрывающим душу припевом: «Славно жить народу На Руси святой!», «Барщинная» («Беден, нечесан Калинушка», у которого «С лаптя до ворота Шкура вся вспорота, Пухнет с мякины живот»), такие рассказы, как «Про холопа примерного — Якова верного», не нашедшего лучшего способа отомстить барину, как попаться на его глазах. Крепостное право не только обрекало крестьян на жизнь, полную лишений и надругательства; оно коверкало их нравственную природу, прививая им смирение и покорность, эти рабские добродетели, уча их звериному эгоизму. Как «змея родит змеенышей», так «крепь» родила немало крестьянских грехов, в том числе и такой страшный грех, как переход на сторону классового врага (см. в «Пире — на весь мир» новеллу «Крестьянский грех»).

Так расценивая дореформенные времена, Некрасов отнюдь не обольщается и пореформенным настоящим. Его взгляд на крестьянскую реформу близок взгляду его великого друга Н. Г. Чернышевского.

Некрасов ведь хорошо сознавал, что «освобожденный» крестьянин не перестал быть объектом самой жестокой эксплуатации. В уста одного из своих героев — Якима Нагого — он вкладывает такие знаменательные слова:

Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!

(«Пьяная ночь»).

Однако в этом перечне паразитов отсутствует буржуазия. Зато в других местах поэмы последней уделено достаточное внимание. С кем ведет борьбу Ермил Гириной? — С купцом Алтынниковым. Из-за кого угодил в тюрьму Яким Нагой? — Из-за купца же. Чья непомерная жадность погубила силача Трофима? — Жадность «проклятого подрядчика», «бестии», «подлеца» (см. в первой части поэмы главу «Счастливые»).

На множестве примеров читатель поэмы убеждается в том, что и после крестьянской реформы крестьянская жизнь осталась невыносимо тяжелой.

Естественно, что мысль поэта должна была перейти от вопроса «счастлив ли народ» к вопросу, еще не столь проясненному, о путях, ведущих к «мужицкому счастью».

В четырехлетие, с 1873 по 1876 год под влиянием того, что происходило в стране, поэт главным образом посвящает свою поэму именно вопросу о том, каково живет народу и какие пути ведут к народному счастью. Картины народных страданий под его пером становятся всё мрачнее и мрачнее, революционные мотивы звучат всё громче и громче, достигая своего апогея в «Пире — на весь мир».

Образы семерых странников носят в поэме преимущественно организующую роль.

Одним из первых крестьянских образов поэмы, разработанных более или менее углубленно, является образ Якима Нагого. Яким воплощает собой тип крестьянина-землероба. Хотя он до крайних пределов угнетен невыносимо тяжелыми условиями своего существования, но неизбежно трудолюбие российских Якимов, нет трудового подвига, на который они были бы не способны, их, без всякого преувеличения, можно назвать героями труда, плодами которых пользуются другие («бог, царь и господин»).

Якимы, говорит Некрасов всем содержанием данной главы поэмы, покамест терпят свою беспросветную жизнь, вместо того чтобы восстать против существующего строя, но в их душах всё ярче разгорается ненависть к угнетателям:

У каждого крестьянина
Душа что́ туча черная —
Гневна, грозна, — и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям,
А всё вином кончается.

(«Пьяная ночь»).

Всегда ли так будет, всегда ли революционное настроение крестьянских масс будет находить себе исход в пьяной гульбе, которая с таким мастерством изображена Некрасовым в главе «Пьяная ночь»?

На этот вопрос отвечают истории Ермила Гирина и Савелия.

Ермил Гирин, этот выдающийся и по уму, и по организаторским способностям, и по нравственным качествам представитель крестьянской среды, кончает острогом. Цензура лишила Некрасова возможности рассказать, какую роль Ермил сыграл в то время, как «бунтовалась вотчина Помещика Обрубкова». Тем не менее совершенно ясно, что он отказался стать на сторону усмирителей, за что и угодил в острог. Поэт не смог, благодаря той же цензуре, дать сколько-нибудь широкую картину бунта, но уже самый факт неповиновения властям крестьян «Испуганной губернии, Уезда Недыханьева, Деревни Столбняки» говорит о многом, а прежде всего о том, что мера терпения народного начинает переполняться.

Еще показательнее образ Савелия, богатыря святорусского. Он проявляет себя способным уже на активную борьбу, приняв руководящее участие в расправе с барским управителем, немцем Фогелем. Хотя в результате Савелий подвергся невероятно тяжелому наказанию — плети, двадцать лет каторги, двадцать лет поселения в Сибири, — однако не пал духом и не раскаивается в содеянном. «Клейменный, да не раб!», — говорит он о себе с нескрываемой гордостью. Савелий и после возвращения из Сибири страстно хочет, чтобы кончилось вековое терпение «богатыря сермяжного», и он восстал на своих угнетателей.

Если вспомнить, что образ Савелия был создан семью-восемью годами позднее образа Ермила, а за эти годы революционное самосознание народа под влиянием создавшейся в стране ситуации далеко шагнуло вперед, станет ясно, почему именно Савелий в большей степени, чем Яким и Ермил, должен быть причислен к типу подлинных бунтарей, хотя бы и стихийных.

«Кому на Руси жить хорошо». Савелий. Рисунок А. И. Лебедева, запрещенный цензурой. 1882.

Дальнейшее развитие этого типа содержится в образе разбойника Кудеяра из легенды «О двух великих грешниках» («Пир — на весь мир»), созданной года через три после образа Савелия, в разгар расправы правительства с революционными народниками. Кудеяр не может искупить своих Тяжелых грехов раскаянием и молитвой: он искупает их только тогда, когда убивает пана Глуховского — деспота, насильника, эксплуататора. Социальный смысл этой легенды, представляющей одно из самых резких мест в содержании поэмы, обостряется указанием на то, что Кудеяр был по происхождению крестьянин, а пан Глуховский — помещик.

Трудно сомневаться, что концовка легенды о Кудеяре:

Только что пан окровавленный
Пал головой на седло,
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лес потрясло —

продиктована желанием указать, что уничтожение класса помещиков — одна из важнейших ступеней на пути к раскрепощению народа, на пути к коренному изменению всего социального строя.

Характерно, что и свою излюбленную героиню Матрену Тимофеевну («Крестьянка») поэт наделил такими чертами, что к ней никоим образом нельзя отнести его прежней характеристики крестьянской женщины: «Ты вся — воплощенный испуг, Ты вся — вековая истома». Матрена Тимофеевна упорно сопротивляется господскому управителю, желавшему сделать ее своей любовницей. Она бесстрашно бросает в лицо приехавшим на следствие корыстолюбивым чиновникам слова: «Злодеи, палачи!». Когда деревенское начальство распорядилось высечь

ее сына, она «вырвала Федотушку, Да с ног Силантья старосту И сбила невзначай». Конечно, защитить себя Матрена Тимофеевна не в состоянии: ей приходится склонять голову перед силою обстоятельств, созданных социальным укладом того времени, но в сердце ее зреет гнев:

По мне обиды смертные
Прошли неотплаченные,
И плеть по мне прошла!

(«Бабья притча»).

Я потупленную голову,
Сердце гневное ношу!..

(«Волчица»).

Некрасов совокупностью этих и подобных им образов приводит читателя к выводу, что русский народ является подлинным богатырем, богатырем не только тела, но и духа.

Вспомним, что говорит Савелий Матрене Тимофеевне:

Ты думаешь, Матренушка,
Мужик — не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
В бою — а богатырь!

Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина... леса дремучие
Прошли по ней — сломались.
А грудь? Илья пророк
По ней гремит-катается
На колеснице огненной...
Всё терпит богатырь!

И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится...
Ужли не богатырь?

(«Савелий, богатырь
святорусский»).

В богатырство русского народа страстно верит и герой четвертой части поэмы («Пир — на весь мир») — Григорий Добросклонов. В образе его Некрасов имел в виду обрисовать современную ему народолюбивую молодежь, которая во имя интересов народа уже вступила на путь революционной борьбы с правительством и господствующими классами. Однако цензура помешала поэту придать этому образу должную яркость и четкость. Тем не менее многие отличительные черты революционного борца 60—70-х годов Некрасов всё же запечатлел в Грише. Духовное происхождение, семинарское образование, полуголодная юность роднят его с деятелями, подобными Добролюбову. К окружающей действительности он относится резко отрицательно, прежде всего потому, что она характеризуется донельзя угнетенным положением крестьянских масс. Гриша не закрывает глаза на недостатки отдельных представителей народной среды — холопство, корыстолюбие, ведущее в иных случаях к переходу на сторону классового врага (староста Глеб в «Крестьянском грехе»), но он хорошо понимает, что эти недостатки привиты долгими годами рабства. В основном же это последнее, по глубокому убеждению Гриши, не убило в народе стремления к лучшей жизни. Борьбе во имя торжества «честного дела», во имя того, чтоб землякам его «И каждому крестьянину Жилось вольготно-весело На всей святой Руси», Гриша отдает всю свою жизнь.

Пусть судьба грозит ему «чахоткой и Сибирью», он не изменит себе, не свернет с избранного пути. Этот путь характеризуется следующими словами знаменитой песни «Средь мира дольного Для сердца вольного Есть два пути...», которая представляет одно из важнейших лирических отступлений в тексте поэмы:

Иди к униженным,
Иди к обиженным —
По их стопам.
Где трудно дышится,
Где горе слышится,
Будь первый там!

Насколько важное значение придавал Некрасов образу Гриши Добросклонова, видно из последних строк поэмы. Сложив песню «Русь» с ее знаменитыми стихами: «Встали — небужены, Вышли — непрошены» и «Рать подымается — Неисчислимая!», Гриша ложится спать:

Гриша спать попробовал. Спалось, не спалось,
Краше прежней песенка в полусне слагалась;
Быть бы нашим странникам под родною крышею,
Если б знать могли они, что творилось с Гришею.
Слышал он в груди своей силы необъятные,
Услаждали слух его звуки благодатные,
Звуки лучезарные гимна благородного —
Пел он воплощение счастья народного!..

(«Доброе время — добрые песни»).

Вера в народное счастье, мечта о лучшем социальном будущем, бескорыстное и самоотверженное служение народу дают человеку такое высокое нравственное удовлетворение, что он чувствует себя счастливым. Счастливым чувствует себя Гриша Добросклонов, хотя «Ему судьба готовила... Чахотку и Сибирь»; счастливой чувствовала себя бедная сельская учительница А. Т. Малоземова, которая в 1876 году писала Некрасову, что находит счастье в своей педагогической работе. Некрасов, как известно, отвечая Малоземовой, сказал: «Счастье, о котором Вы говорите, составило бы предмет продолжения моей поэмы», но «ей не суждено окончиться» (XI, 413).

Говоря о Григории Добросклонове, нельзя не подчеркнуть самым решительным образом, что несмотря на то, что он, подобно тысячам и тысячам тогдашних революционеров, обречен на гибель, ему присуща непоколебимая вера в лучшее будущее русского народа. Взять, например, его стихотворение «В минуты унынья, о родина-мать!..».

Социальный оптимизм обреченного на гибель Григория Добросклонова всецело разделяет и автор поэмы. Мысли, чувства, настроения автора, разумеется, определяют собой всё содержание и форму поэмы, но, кроме того, для их сконцентрированного выражения Некрасов время от времени прибегает к лирическим отступлениям. Особенно их много в «Пире — на весь мир», который писался тяжело больным человеком, с каждым днем убеждавшимся в близости смерти, но уверовавшим всем своим существом, что «душа народная» «воссмеется». А душа народная не может воссмеяться раньше, чем народ проложит себе путь к истинному счастью.

Очень определенно звучит оптимистическая нота в заключительной части рассказа о том, с каким захватывающим интересом слушают крестьянские семьи «захожих странников». Следует заметить, что рассказы странников полны глубокого, пророческого смысла. И вера в то, что «душа народная» должна «воссмеяться», и убеждение в том, что «народу русскому пределы не положены», в великую советскую эпоху оправдались на деле.

Проясняя социальный смысл поэмы «Кому на Руси жить хорошо», мы преимущественное внимание уделили положительным образам таких представителей народной среды, как Яким, Ермил, Савелий, Матрена Тимофеевна, и образу истинного друга народа («народного заступника», как называет его Некрасов) Гриши Добросклонова. Видную роль в поэме Некрасова играют и образы врагов народа, которые даются обычно в резко сатирическом плане. Сюда относятся образы помещиков — Оболта-Оболдуева, Шалашникова и в особенности князя Утятина, «последыша» (в главе того же наименования), который не желает признавать крестьянской реформы, видя в ней нарушение своих прав помещика и дворянина. Сюда относятся чиновники-насильники, самоуправцы, взяточники, с исключительной яркостью обрисованные в главе «Демушка». Сюда относятся буржуа-капиталисты вроде купца Алтынникова или того подрядчика, который погубил силача Трофима, и др. Рисуя эти образы, Некрасов продолжал ту линию беспощадного сатирического разоблачения эксплуататорских классов, которая наметилась в его поэзии еще в 40-е годы.

Как художественное произведение, поэма «Кому на Руси жить хорошо» приближается к типу народных эпоей. В ней, несмотря на ее незаконченность, дана широчайшая картина народной жизни в один из наиболее знаменательных исторических моментов. Благодаря этому поэма Некрасова в высшей степени динамична и драматична. С другой стороны, поэма Некрасова насыщена лиризмом. Исход своему взволнованному чувству автор находит не только в том, что умеет и хочет придать образам поэмы эмоциональную окраску, не только в том, что временами не останавливается, как мы только что видели, перед непосредственными лирическими отступлениями, но и в том, что вводит в содержание поэмы, в очень широких размерах, песенные мотивы.

В поэме огромное количество действующих лиц. Но основная установка поэмы — не на изображение индивидуальных героев, а на изображение народа, великого, могучего, героического, русского народа, «богатыря сермяжного».

Индивидуальные герои, те же Яким Нагой, Ермил Гирин, Савелий, Матрена Тимофеевна и бесчисленное множество других, нужны поэту для того, чтобы оттенить, подчеркнуть отдельные черты народной массы.

И если считать, что задача народной эпопеи в том, чтобы изображать народ, народную жизнь в один из критических, переломных моментов исторического существования, то поэма Некрасова с полным успехом разрешает эту в высшей степени трудную и сложную задачу. С этой точки зрения поэма Некрасова выдерживает сравнение с величайшими созданиями мировой литературы.

Одно из важнейших достоинств ее — полная гармония формы с содержанием. Задумав изобразить живую душу народа, желая, чтобы его поэма стала «народной книгой», т. е. от начала до конца была понятна народу, Некрасов решительнее, чем в каком-либо другом своем произведении, пользуется в ней и народно-бытовым языком и народно-поэтическим стилем.

В период работы над поэмой, в стихотворении «Газетная», с недопускающей никаких двойных толкований определенностью Некрасов говорит об органической связи своей поэмы с устной поэзией народа (фольклором), в частности с народной песней:

Спокон веку работа народная
Под унылую песню кипит,
Вторит ей наша муза свободная,
Вторит ей — или честно молчит.

Нигде эта органическая связь поэзии Некрасова с фольклором не проявляется так явственно, как в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Начать с того, что самая основа поэмы несколько напоминает те народные сказки, в которых происходит спор из-за того, что первенствует в мире: «правда или кривда». В «Прологе», например, Некрасов вводит сказочные образы: образ говорящей птицы, образ скатерти-самобранки.

Однако устная поэзия народа особенно широко использована Некрасовым во второй части поэмы — в «Крестьянке». Здесь Некрасов ориентируется и на похоронные причитания, и на свадебные причитания невесты, и на лирические семейно-бытовые песни. При этом следует самым решительным образом подчеркнуть, что поэт использует фольклорный материал отнюдь не механически, а подчиняя его своему художественному методу.

Присутствие в тексте поэмы (вторая глава той же второй части) песни «Спится мне, младенькой, дремлется...», текст которой ничем почти не отличается от фольклорного подлинника, говорит о том, что в иных случаях Некрасов считал возможным вовсе не перерабатывать фольклорные тексты. Он мог пойти на это только потому, что в такой мере овладел ладом и складом народно-песенного творчества, что и его собственный текст и заимствованный из фольклора, но переработанный им текст, и, наконец, взятый без всяких изменений фольклорный текст вполне гармонировали друг с другом, образуя единую художественную ткань поэмы.

Примечательно, что в четвертой части поэмы Некрасов создает ряд песен, являющихся продуктом его самостоятельного творчества, но настолько близких фольклору, что неискушенный читатель легко может их принять за подлинно народные. Таковы песни «Веселая» («Кушай тюрю, Яша! Молочка-то нет!..»), «Барщинная» («Беден, нечесан Калинушка...»), «Голодная» («Стоит мужик — Колышется...»), «Солдатская» («Тошен свет, Правды нет...»), «Соленая» («Никто как бог!..»). Таковы же песня о Пахомушке («Есть у Пахомушки женка и дети...») и знаменитая песня Гриши «Русь» («Ты и убогая, Ты и обильная...»).

Кроме бытовых песен и причитаний, в поэме «Кому на Руси жить хорошо» использованы и некоторые другие виды фольклорных произведений. Так, в словах Савелия о богатырстве крестьянина слышится отзвук былины о Святогоре. Несомненна фольклорная основа песни «Крестьянский грех» («Адмирал-вдовец по морям ходил...»), приближающейся по своей ритмике хотя бы к исторической песне «Молодой солдат на часах стоит». Недавно была указана белорусская сказка, перекликающаяся по своему содержанию с легендой о Кудеяре — «О двух великих грешниках».

В состав «Кому на Руси жить хорошо» введено множество примет и поверий, пословиц и поговорок, загадок и отдельных фольклорных образов, рассеянных в поэме и придающих ей чрезвычайную фольклорную насыщенность.

Поэма «Кому на Руси жить хорошо» является одним из высших достижений не только некрасовского творчества, но и русской классической литературы вообще.